

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.53(571.51)

Д.А. Виноградов

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Активное изучение курганов, расположенных на территории Красноярской лесостепной зоны, приходится на конец XIX – середину XX в. За это время в окрестностях Красноярска было зафиксировано более 150 курганов, не менее 25 из которых было раскопано с научной целью. Результаты исследований позволили ученым отнести эти курганы к тагарской культуре – ее северной границе распространения. Позднее для Красноярской лесостепи было предложено выделить локальный вариант тагарской культуры, обладающий своеобразными чертами, присущими только этому региону. В начале XX в. В.Г. Карцовым была составлена карта памятников Красноярского района, куда вошли и известные курганы, а также была попытка подсчитать их количество. На сегодняшний день большинство этих курганов уничтожено хозяйственным освоением, а сохранившиеся продолжают подвергаться антропогенному воздействию. В связи с этим, несмотря на угасший интерес исследователей, необходимы активные действия по фиксации курганов, мониторингу их состояния и охране. В настоящей статье дается краткая характеристика курганов, представляется карта их распространения, дополняются некоторые сведения, а также вводятся новые данные.

Ключевые слова: Енисей, Красноярская лесостепь, ранний железный век, тагарская культура, курганы.

DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-05

Введение

Островная Красноярская лесостепь частично занимает окрестности г. Красноярска и основной своей частью простирается по склонам и террасам левого берега р. Енисей на север до п. Большая Мурта. Окруженная естественными барьерами в виде гор и лесов, эта территория в древности создавала условия для формирования оригинальных обществ. Своеобразие древних культур Красноярской лесостепи, испытывавших влияние как степного, так и таежного населения отмечали многие исследователи [Мергарт, 1923; Карцов, 1929; и др.]. Одним из выразительных свидетельств такого влияния являются курганные могильники, история изучения которых берет свое начало с XIX в.

Целью настоящей статьи является оценка источниковой базы и обобщение данных по истории исследования курганных могильников Красноярской лесостепи за 150-летний период.

Материалы и методы

Первые раскопки курганов в окрестностях Красноярска, как и в Сибири в целом, связаны с освоением новых территорий пришлым русским населением, которое активно осваивало сложившийся в XVII в. промысел бугрования. Главным привлекающим фактором для «бугровщиков» было обогащение за счет содержимого курганных насыпей. Артелями или в одиночку они вскрывали курганы, извлекали могильный инвентарь и продавали его комиссионерам [Вдовин, 2011, с. 20]. Одно из задокументированных сообщений о добытых крестьянами древностях из кургана близ Красноярска поступило в Археологическую Комиссию в 1889 г. [Длужневская и др., 2009, с. 633].

В 1-й половине XIX в. Красноярск становится губернским городом и переживает расцвет, связанный с золотой лихорадкой. С того времени в городе начинают сосредотачиваться представители администрации и золотопромышленники, которые часто являлись еще и коллекционерами археологических предметов. В связи с этим первые раскопки курганов близ Красноярска в литературе принято связывать с именем первого енисейского губернатора А.П. Степанова, исполнявшего свои обязанности с 1823 по 1831 г. [Ядринцев, 1887, с. 15–16; Дэвлет, 1976, с. 19]. Об этом также пишет И.В. Александров в своем отчете для Императорской Археологической Комиссии [Вдовин, 2013, с. 11]. Однако вышеозначенные сведения ничем не подтверждены и основываются на непроверяемых слухах. Известно, что по распоряжению А.П. Степанова проводились раскопки и сбор древностей в Минусинском округе, но о курганах близ Красноярска сам он ничего не сообщает [Степанов, 1835]. Тем не менее, учитывая влечение бывшего губернатора к предметам далекого прошлого и коллекционированию, исключать этого, конечно, нельзя.

Стартом «официальных» раскопок должны считаться работы статского советника и по совместительству большого любителя собирания старины И.В. Александрова. Именно его раскопки на курганных могильниках Енисейской губернии в 1867–1870 гг. были одобрены Императорской Археологической Комиссией [Белова, 2009, с. 15]. Известно, что первый курган в окрестностях Красноярска был раскопан в 1867 г., однако остается неясным его точное расположение. В 1868–1869 гг. в местности у д. Коркино исследователем было раскопано три из 15 разбросанных по округе курганов [Вдовин, 2013, с. 11–13].

В 1894 г. в Археологическую Комиссию поступила информация о случайной находке четырех серебряных чаш близ д. Карымской в долине р. Минжуль. Для того чтобы проследить возможную связь случайных находок с содержимым встречающихся в этой местности курганов, было решено произвести здесь раскопки [ОАК, 1897, с. 152]. Эта обязанность была возложена на члена-секретаря Енисейского статкомитета А.Я. Зейделя, который по неизвестным причинам совершить исследования не смог [Белова, 2009, с. 46; Вдовин, 2011, с. 341–342]. Тогда Археологическая Комиссия поручает произвести раскопки преподавателю Красноярской учительской семинарии П.С. Проскуракову. В 1895 г. в результате обследования окрестностей д. Карымской им фиксируется четыре курганные насыпи, одна из которых подвергается разрытию. К западу от д. Карымской, в окрестностях д. Татарской, П.С. Проскураков отмечает еще девять курганов, два из них были выбраны под раскопки. Очевидно, что поручение Археологической Комиссии вызвало у исследователя неподдельный интерес, поэтому он решает продолжить изучение курганов и в других местах. В том же году им фиксируется более десяти курганных насыпей в долине правого берега р. Енисей между селами Ладейским и Торгашинским, одна из них подвергается раскопкам [ОАК, 1897, с. 152–157].

Через год Археологическая Комиссия вновь доверяет П.С. Проскуракову работы по изучению курганных могильников красноярского района. При поездке в окрестности с. Ладейского ему удалось обнаружить до 43 курганов, разбросанных в радиусе 70 км. В своих наблюдениях он указывает, что курганы на возвышенностях отличаются большими размерами в сравнении с теми, которые находятся в долине на бывших островах Енисея, притом на первых часто встречаются гранитные плиты, поставленные в виде столбов по углам четырехугольника. По рассказам местных жителей в прежнее время в этой местности такие плиты находились при каждом кургане, но

большую часть из них в разное время крестьяне увезли для своих потребностей [ОАК, 1898, с. 103–104]. Павел Степанович упоминает также о курганах со следами расхищения около города Красноярска в местности «Таракановка» [Вдовин, 2011, с. 343].

Одной лишь разведкой П.С. Проскуряков в этот год не ограничился и, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, сумел произвести раскопки одного кургана близ д. Солонечной в долине р. Качи. Он предпринял также попытку раскопки двух курганов у д. Дрокиной, но не смог довести их до конца [ОАК, 1898, с. 104].

Известно, что не обо всех своих работах П.С. Проскуряков докладывал в Археологическую Комиссию. В 1896 г. Красноярск посещает известный французский археолог барон Ж. де Бай, проводниками его археологических экскурсий становятся П.С. Проскуряков и консерватор Красноярского музея М.Е. Киборт [Макаров и др., 2018, с. 15]. В ходе посещения известных археологических памятников Красноярска барон предложил П.С. Проскурякову произвести раскопку одного из курганов, находящихся между селами Торгашино и Ладейки. К сожалению, работы не были доведены до конца из-за недостатка времени и скорого отъезда де Бая из Красноярска [Киборт, 1900, с. 12].

В 1897 г. барон Ж. де Бай вновь посещает Красноярск и в рамках продолжения своих экскурсий по окрестностям города вместе с П.С. Проскуряковым раскапывает курган к югу от с. Ладейского [Урусов, 1902, с. 4]. Однако остается неясным, были эти раскопки завершением прошлогодних работ или это был новый курган.

В сентябре 1899 г. П.С. Проскуряков с группой лиц, интересующихся археологией: сотрудником музея М.Е. Кибортом, горным исправником Красноярско-Канского округа А.И. Крахалевым, вице-губернатором В.П. Урусовым, а также членом-секретарем Енисейского статкомитета А.Я. Зейделем – снарядили экспедицию для раскопки одного из курганов в окрестностях с. Ладейского [Урусов, 1902, с. 3–7]. Интерес исследователей не ограничился одним курганом, и через несколько недель «интеллигентный кружок» в составе П.С. Проскурякова, В.П. Урусова, М.Е. Киборта, А.Я. Зейделя и присоединившихся к ним постоянных членов по крестьянским делам Енисейского губернского управления Б.А. Моллера и В.Д. Родзевича разрыл курган, находившийся к северо-востоку от с. Мининского [Урусов, 1902, с. 7–10].

В начале XX в. в Красноярск приехал член Русского географического общества А.В. Адрианов, имевший огромный опыт изучения курганных могильников Минусинской котловины. Мимо его внимания не могли пройти курганы, расположенные в окрестностях Красноярска – почти на самой северной границе их распространения. И в 1902 г. он производит раскопки двух курганов с коллективными погребениями близ с. Частоостровского. Отметив однообразие курганов северной полосы, исследователь не стал продолжать их раскопки и переключился на исследование местных писаниц [ОАК, 1904, с. 117–118].

В 1903 г. на члена-сотрудника Петербургского Археологического института В.И. Анучина Археологической Комиссией было возложено специальное поручение ознакомиться с условиями, при которых залегают в почве многочисленные медные вещи, находимые вдоль берега р. Большой Бузим Сухобузимской волости Красноярского уезда. В ходе этой поездки В.И. Анучин предпринял раскопку крупного кургана с коллективным погребением при с. Сухобузимском. Курган вмещал в себе более 200 погребенных, особенностью которых являлись пробитые округлые отверстия в черепах [ОАК, 1906, с. 131–132].

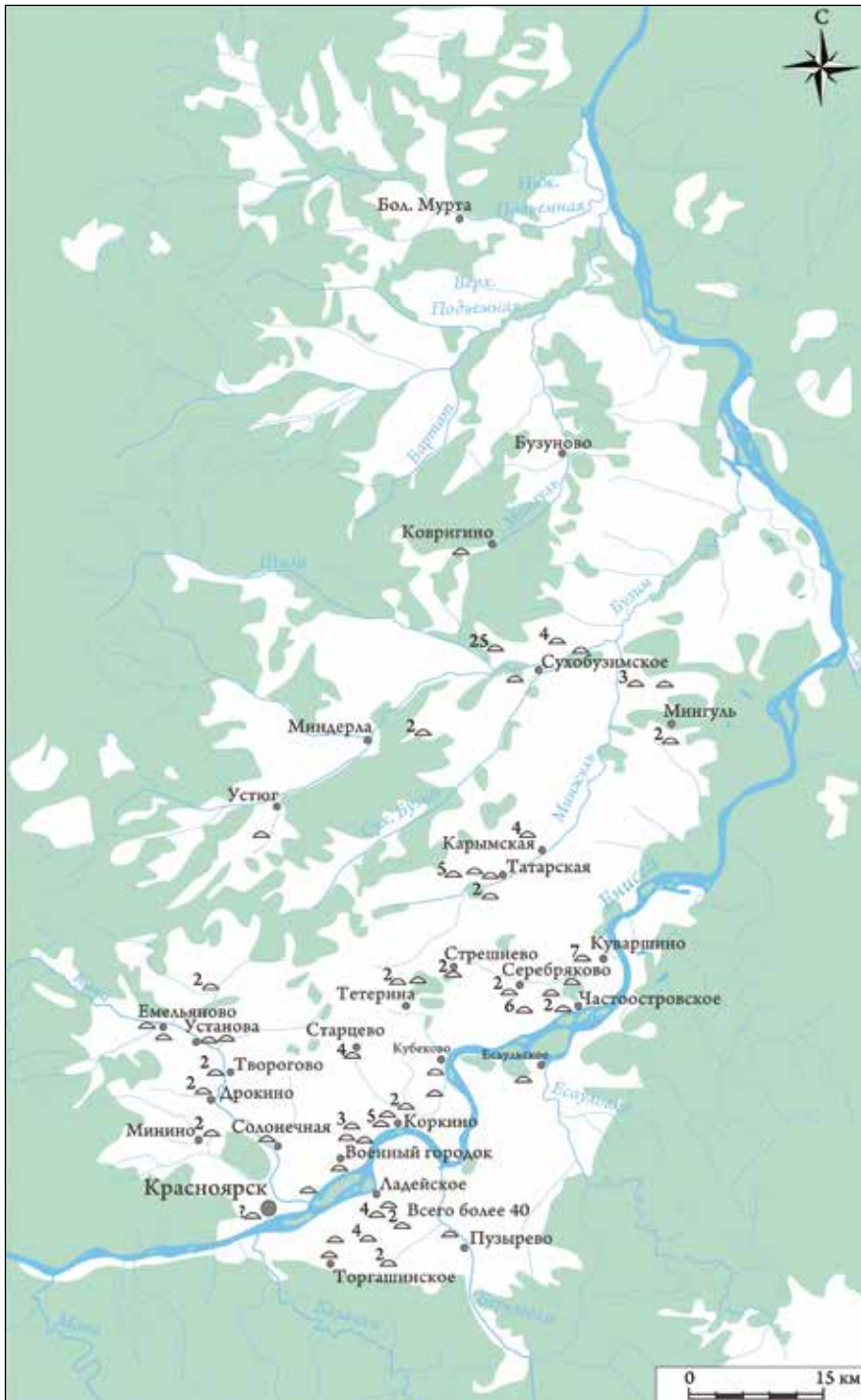
Следующим исследователем, занимавшимся раскопками и осмыслением курганных могильников, был заведующий археологическим отделом Музея Приенисейского края В.Г. Карцов. В 1929 г. издается работа Владимира Геннадьевича «Материалы по археологии Красноярского района», в которой нашлось место и для курганов. Важно отметить, что к этой работе прилагается археологическая карта, остающаяся актуальной и на сегодняшний день. Из опубликованных «Материалов...» известно о нахождении на правом берегу Красноярска между селами Ладейским, Торгашино и возвышенностью Черная сопка 15 курганов, большинство из которых имеют следы ограбления, а некоторые раскопаны П.С. Проскуряковым и В.П. Урусовым. На левобережье Красноярска в местности между городом, Военным городком и с. Коркино им фиксируется 15 курганов, которые также носили следы раскопок и ограбления. В окрестностях д. Тетериной Владимир Геннадьевич отмечает три кургана, в той же местности у д. Старцево им фиксируется еще четыре кургана. Два кургана отмечены исследователем у д. Серебряковой, еще семь у д. Куваршиной. Он осматривает также два кургана, раскопанные А.В. Адриановым у с. Частоостровского. Обследует долину реки Кача, где близ д. Солонечной фиксирует курган, раскопанный П.С. Проскуряковым. Отмечает два грабленых кургана у д. Дрокино (не те ли это курганы, что в 1896 г. не докопал П.С. Проскуряков?), два кургана у д. Минино, один из которых раскопан В.П. Урусовым, а второй – целый. У деревни Твороговой им также обнаружено два кургана. В окрестностях сел Емельяново и Установо им насчитано еще пять курганов [Карцов, 1929, с. 12–13].

Сам исследователь в 1928 г. предпринимает раскопку кургана между Красноярском и Военным городком. На следующий год им раскапывается курган близ с. Есаульского. Где-то в это же время на правом берегу Енисея в долине р. Березовка у д. Пузырево Г.П. Сосновским был раскопан курган, содержащий коллективное погребение с обрядом сожжения [Карцов, 1929, с. 12–13].

Резюмируя обзор курганных насыпей, В.Г. Карцов отмечает, что на всей территории района учтен, несмотря на весьма тщательные поиски, всего только 61 курган [Карцов, 1929, с. 21]. На этом оживленный интерес к курганным могильникам угасает, В.Г. Карцов переезжает в Москву, а музей в силу разных причин не имеет специалистов-археологов для изучения памятников далекого прошлого [Китова, 2007, с. 68]. Следующий всплеск активности в изучении курганов приходится на послевоенное время и приурочен к новостроечным работам.

В 1956 г. сотрудник Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Г.А. Максименков получает Открытые листы на разведку и раскопку курганов в окрестностях Красноярска. Однако провести работы в запланированном масштабе не удастся, и Глеб Алексеевич сосредоточивается лишь на пешей разведке. Главной своей целью он видел, во-первых, осмотр района с. Сухобузимского, о котором в археологическом отношении не имелось почти никаких сведений, и, во-вторых, проверить состояние памятников, о которых сообщал В.Г. Карцов [Максименков, 1956].

В первую очередь Г.А. Максименков решает выяснить современное состояние курганов у с. Ладейки. По результатам осмотра местности он отмечает, что бывшие здесь когда-то дюны полностью снесены, на этой территории расположены новые промышленные кварталы, а на небольших незастроенных пустырях археологических памятников не фиксируется. Такая же ситуация наблюдается и у с. Торгашино [Максименков, 1956].

Карта Красноярской лесостепи с обозначением местонахождения курганов и их количества

Много времени исследователь уделил поиску памятников в окрестностях с. Сухобузимского. Близ села, в долине р. Бол. Бузим, им отмечена группа из четырех распаханных курганов. Восточнее, напротив п. Бузим, зафиксирован большой курган овальной формы, который ограблен или раскопан колодцем. В полах кургана сделано еще три ямы, в одной из них лежали куски песчаных плит. К северо-западу от с. Сухобузимского Глеб Алексеевич отмечает несколько сильно расплывшихся возвышений высотой 20–25 см, которые могли быть распаханными курганами. Недалеко от этого места им фиксируются низкие, сильно оплывшие холмики диаметром от 10 до 16 м, расположенные тесной группой в количестве 20–25 штук, 10 из которых сохранились относительно хорошо. Между д. Воробино и с. Сухобузимским им зафиксирован крупный курган с ямой четырехугольной формы в центре [Максименков, 1956]. У данного кургана в одном из углов сохранился вертикально стоящий обломок плиты песчаника, что делает его схожим с курганом, раскопанным В.И. Анучиным у того же села в 1903 г.

У с. Миндерла по дороге в с. Сухобузимское исследователем задокументировано два крупных кургана, рядом с ними на пашне в разных местах отмечаются желтые пятна, вероятно, от распаханных ранее курганов. По дороге от с. Сухобузимского в с. Атаманово он выявляет три небольших кургана, а восточнее них один крупный. У с. Частоостровского им осмотрены два кургана раскопанные А.В. Адриановым. В окрестностях села обнаружены два одиночных кургана и группа из шести сильно распаханных расплывшихся курганов. Отмечается два кургана в окрестностях с. Стрешнево. Он осматривает также группу из семи курганов у с. Куваршино, упоминаемых В.Г. Карцовым у [Максименков, 1956].

Кроме Г.А. Максименкова в 1956 г. в окрестностях Красноярска проводит работы сотрудник Красноярского краевого музея Р.В. Николаев. Его задачи состояли главным образом в фиксации, изучении и раскопках археологических памятников в зоне развернувшегося строительства алюминиевого комбината к северу от Красноярска. Им были предприняты раскопки трех курганов у с. Коркино. Помимо этого, были осмотрены другие курганы, описанные В.Г. Карцовым, собран подъемный материал. Вслед за П.С. Проскуряковым Р.В. Николаев отмечает использование каменных сооружений курганов местным населением для хозяйственных нужд. Со слов крестьян, «их обвязывали веревками и волокли всем селом» [Николаев, 1956].

Летом того же года Р.В. Николаев обследует долину р. Качи. В окрестностях с. Емельяново им осмотрены два кургана, упоминаемые В.Г. Карцовым, и один, о котором он не сообщал. О последнем кургане стало известно благодаря сообщению преподавателя Емельяновской средней школы С.К. Голицына. В связи с разрушающимся состоянием кургана (местные жители брали землю из насыпи для своих огородов) было решено его раскопать [Николаев, 1956].

В 1957 г. Р.В. Николаев [1966, с. 196–207] продолжил свои работы и раскопал еще один курган у с. Коркино. На этом завершилась активная фаза в изучении курганов окрестностей Красноярска, раскопок больше никто не проводил.

Интересный случай обнаружения кургана произошел в 1959 г. на полях колхоза «Путь к коммунизму» (окрестности сел Шила и Ковригино). Подготавливая траншею для закладки кукурузного силоса, бульдозерист Федор Рихардт решил сравнить небольшой холм, который остался незасеянным посреди поля. В результате этой

инициативы на поверхности показали обломки обуглившихся бревен, кости, черепа, обломки глиняной посуды и различные бронзовые предметы. В дальнейшем раскопки планировалось продолжить под руководством научных сотрудников краеведческого музея [Тайна..., 1959, с. 4].

В 1964 г. разведочные работы в окрестностях деревень Кубеково и Песчанка проводит сотрудник Красноярского краевого музея Н.В. Нащокин. В ходе обследования им выявлены два одиночных кургана. Оба кургана имеют следы разрушения, в центре фиксируются грабительские ямы, местами сохранились камни оградки [Нащокин, 1964, с. 9].

В последние десятилетия интерес исследователей к курганам Красноярской лесостепи можно охарактеризовать как пассивный. Локальные работы по мониторингу и паспортизации известных курганов в разное время проводились В.П. Леонтьевым, Л.В. Новых, И.В. Стасюком и В.Е. Матвеевым, Д.Н. Лысенко, В.А. Данилейко и П.В. Иштутиной и др. В итоге были вновь выявлены и поставлены на государственную охрану курганы у д. Татарская, с. Куваршино, с. Емельяново, с. Дрокино, курган на юго-восточной окраине Красноярска близ Шинного кладбища.

С 2016 г. Лабораторией археологии, этнографии и истории Сибири Сибирского федерального университета ведутся работы по мониторингу состояния известных и поиску новых курганов. В результате исследований последних лет нам удалось выявить и поставить на государственную охрану три неизвестных ранее кургана. Один расположен близ с. Устюг, два других находятся в окрестностях с. Мингуль. Все курганы имеют оплывшую насыпь округлой приплюснутой формы, диаметром около 25 м и высотой 1,5–2 м. В основании насыпей были собраны черепки лепной лощеной посуды.

Полученные результаты и их обсуждение

Говоря об осмыслении курганных могильников, следует сказать, что первые классификации относили красноярские курганы к северной границе распространения древних могил Минусинского округа [Кузнецов, 1889, с. 7]. По своему устройству и обряду они имели сходство с курганными насыпями, раскопанными в верховьях Енисея и Чулыма, и причислялись к типу коллективных могил [Спицын, 1889, с. 134]. Однако оставался неясным вопрос о временной и культурной принадлежности этих погребений [Спицын, 1889, с. 138]. По мнению Г. Мергарта [1923, с. 35], нахождение подобных курганов в районе Красноярска указывает на движение части населения Минусинского культурного очага в новый северный район, произошедшее в заключительной стадии местной бронзовой эпохи.

В 20-е гг. XX в. сотрудник Томского университета по кафедре географии и антропологии С.А. Теплоухов проводил исследования древних памятников Минусинской котловины, в результате чего им была представлена классификация древних металлических культур Минусинского края. Одна из этих культур, существовавшая в I тыс. до н.э., была названа «минусинской курганной» [Теплоухов, 1929, с. 45]. Земляные курганы Красноярского округа отнесены С.А. Теплоуховым [1929, с. 48] к третьему этапу (IV–III вв. до н.э.) выделенной им курганной культуры.

В 1929 г. С.В. Киселев [1951, с. 184] в своей классификации предложил назвать данную культуру «тагарской». По мнению ученого, курганы красноярского района следует относить ко второй половине второй стадии (V–I вв. до н.э.) тагарской культуры [Киселев, 1951, с. 274].

Позднее А.И. Мартыновым в лесостепных районах Южной Сибири была выделена «лесостепная тагарская культура». Курганы окрестностей Красноярска он относит к ее назаровскому этапу (III в. до н.э.) [Мартынов, 1979, с. 82]. Важно отметить, что все известные курганы красноярского района причисляются исключительно к тагарской культуре, курганов других эпох здесь зафиксировано не было [Карцов, 1929, с. 20].

Впоследствии был выделен локальный вариант тагарской культуры, обладающий выраженными оригинальными чертами, названный Красноярским [Николаев, 1980]. Помимо типичных элементов для курганов II–III стадий тагарской культуры Минусинской котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи у этого варианта есть свои особенности. Так, курганные ограды в более раннее время сооружались из плоских плит известняка или песчаника, положенных плашмя одна на другую, а позднее сооружаются лишь наподобие оград, когда вокруг камеры располагали каменные столбы, отдельные скопления камней, а иногда просто округлые валуны. Задokumentирован случай, когда ограда частично состояла из разрозненных групп камней, а между ними находился участок кольев. Такие ограды присущи лишь данной зоне [Николаев, 1980, с. 240–242]. Г.А. Максименков [1961, с. 311] обращает внимание, что в тех курганах, где была зафиксирована каменная ограда, она имела круглую форму и только в двух случаях – четырехугольную, но сложенную не из плит, а из небольших камней. Также отмечено, что общий ассортимент помещенных с умершими вещей меньше Минусинского [Максименков, 1961, с. 312].

Керамический материал из раскопанных курганов невелик (85 сосудов) и в сравнении с синхронными курганными комплексами Хакасско-Минусинской котловины довольно однообразен [Дэвлет, 1964, с. 207]. Однако кроме привычных типов посуды для других районов тагарской культуры здесь есть и своеобразные, не встречающиеся либо встречающиеся в других районах очень редко. Это сосуды с ручками в виде горизонтально расположенных треугольников и крупные банкообразные сосуды, украшенные вокруг венчика лепными изображениями рогов. Встречается также керамика с совершенно необычным для других тагарских областей орнаментом – из пересекающихся косых линий, из ряда зигзагообразных полос, из незаконченных эллипсов [Николаев, 1980, с. 242–245].

К большому сожалению, первые исследователи курганов не испытывали должного интереса к человеческим костям, поэтому антропологический тип погребенных изучен только по черепному материалу из раскопок Р.В. Николаева, а также из сборов разрушенного кургана у с. Ковригино. Всего был изучен 31 череп, большая часть которых принадлежит к европеоидному типу и обладает свойствами, присущими тагарцам Минусинской котловины. У четырех черепов отмечены сочетания признаков монголоидной расы [Дремов, Рейс, 1996, с. 101–103].

Заключение

Подводя итог исследования курганных могильников в Красноярской лесостепи за полтора века, можно заключить о нахождении здесь более 150 земляных насыпей (рис. 1). Из них официальным раскопкам подверглись не менее 25 курганов, большинство из которых, по данным исследователей, уже были потревожены. В годы первых советских пятилеток активно осваивается правый берег Красноярска, где вырастают такие гиганты промышленности, как деревообрабатывающий комбинат, Красноярский машиностроительный завод и др. В результате этого села Ладейское и Торгашинское, а также вся примыкающая к ним территория подверглись интенсивной

застройке, а курганные могильники были навсегда утрачены для науки. Рост города и введения в сельскохозяйственный оборот обширных земельных ресурсов на левом берегу лесостепи также сказались на сохранности курганов, многие из них были уничтожены. Чуть больше повезло нескольким курганам в зоне будущего строительства алюминиевого завода: предприятие не только позволило Р.В. Николаеву [1956, с. 11] произвести раскопки, но и взяло все расходы на себя.

На сегодняшний день сохранившимся курганам продолжает угрожать серьезная опасность: земляные насыпи распаиваются, попадают в зону застройки частного сектора, страдают от бича современной археологии – разграбления предприимчивыми гражданами. В связи с этим остается открытым вопрос об охране курганных могильников – крайне ценных источников для изучения Красноярского варианта тагарской культуры. Для его решения требуются активные действия по мониторингу и паспортизации известных курганов. Так, в Красноярской лесостепи по предварительным подсчетам сохранилось не меньше трех десятков курганов, и только 17 из них стоят на государственной охране (причем один из них, у с. Бузуново, курганной насыпью не является вовсе [Мандрыка, 2001, с. 115]).

Кроме того, следует заключить, что, несмотря на отсутствие былого ажиотажа вокруг курганов окрестностей Красноярска, их тема себя не исчерпала, и за более чем полвека, прошедших с момента последних раскопок, археологическая наука сделала значительный шаг в методике исследований, в междисциплинарных взаимодействиях и подошла к рубежу переосмысления накопленного материала. В связи с чем раскопка и последующая музеефикация курганов тагарской культуры в Красноярской лесостепи в ближайшие годы видится крайне перспективной.

Библиографический список

Белова Н.А. Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской Археологической Комиссии Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН // Приложение. Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.): К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 12–140.

Вдовин А.С. «Археологические исследования» И.В. Александрова в окрестностях Красноярска в 1866–1871 годах // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. Вып. VI. С. 7–14.

Вдовин А.С. «Крестьянская» археология // Мир Евразии. 2011. №3 (14). С. 19–22.

Вдовин А.С. «...Для представления на высочайшее воззрение...»: история находки четырех серебряных сосудов // Археологические вести. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. №17 (2010–2011). С. 340–346.

Длужневская Г.В., Лазаревская Н.А. Археологические памятники Сибири в исследованиях Императорской Археологической Комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 594–636.

Дремов В.А., Рейс Т.М. Тагарская периферия в свете антропологических данных (коллекции Томска и Красноярска) // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. С. 101–103.

Дэвлет М.А. Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // Советская археология. 1964. №2. С. 205–210.

Дэвлет М.А. К истории исследования памятников тагарской культуры // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. Вып. VI. С. 16–33.

Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов Музея Приенисейского края. Красноярск, 1929. 55 с.

- Киборт М.Е. Посещение с ученой целью бароном де Бай города Красноярска // Енисейские губернские ведомости. 1900. 29 июля. 15 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.
- Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 272 с.
- Кузнецов И.П. Древние могилы Минусинского округа. Томск : Типо-Литография В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1889. 47 с.
- Макаров Н.П., Вдовин А.С. Археология в Красноярском краеведческом музее. 125 лет истории. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. 207 с.
- Максименков Г.А. Отчет об археологической разведке в районе г. Красноярска летом 1956 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. №1350. 52 л., 25 ил.
- Максименков Г.А. Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1961. С. 301–315.
- Мандрыка П.В. Северная тагарская периферия: границы и взаимоотношения // Народы Приенисейской Сибири. История и современность. Красноярск : КГПУ, 2001. С. 113–117.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 208 с.
- Мергарт Г.К. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Изв. КОРГО. Красноярск, 1923. Т. 3. Вып. I. С. 29–36.
- Нашокин Н.В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1964 г. // Архив КККМ. Оп. 5. Д. 96.
- Николаев Р.В. Отчет о полевой археологической работе, проведенной летом 1956 г. Красноярским краевым музеем. // Архив КККМ. Оп. 5. Д. 68. № п/п 672. 84 л.
- Николаев Р.В. Курганы тагарской эпохи у Красноярска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1963. С. 93–106.
- Николаев Р.В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: материалы Всесоюзной археологической конференции. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1980. С. 239–247.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1895 г. СПб., 1897. С. 152–157.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 103–104.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1902 г. СПб., 1904. С. 117–119.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 г. СПб., 1906. С. 131–132.
- Спицын А.А. Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма // Зап. ИРАО. 1889. Т. XI. Вып. 1–2. С. 134–141.
- Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. 1. 276 с.; Ч. 2. 139 с.
- Тайна седого кургана // Красное знамя. 1959. 30 авг. С. 4.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 41–62.
- Урусов В.П. Раскопки курганов Енисейской губернии Красноярского уезда. М., 1902. 10 с.
- Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ. СПб. : Тип. ИАН, 1887. 26 с.

References

- Belova N.A. Perechen' materialov ehkspeditsij i issledovanij v fonde Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii Rukopisnogo otdela Nauchnogo arkhiva IIMK RAN [List of Materials of Expeditions and Research in the Fund of the Imperial Archaeological Commission of the Manuscript Department of the Scientific Archive of IIMK RAN]. Prilozhenie. Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya (1859–1917 gg.): K 150-letiyu ee osnovaniya. U istokov otechestvennoj arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya [Adjunct. The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): to the 150th Anniversary of Foundation. At the Source of the National Archaeology and Preservation of the Cultural Heritage]. SPb. : Dmitrij Bulanin, 2009. Pp. 12–140.
- Vdovin A.S. «Arkheologicheskie issledovaniya» I.V. Aleksandrova v okrestnostyakh Krasnoyarska v 1866–1871 godakh [“Archaeological Research” I.V. Alexandrov in the Vicinity of Krasnoyarsk in 1866–1871]. Drevnosti Prienisejskoj Sibiri [Antiquities of the Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2013. Issue VI. Pp. 7–14.

Vdovin A.S. «Krest'yanskaya» arkhеologiya» [“Peasant” Archaeology]. Mir Evrazii [The World of Eurasia]. 2011. №3 (14). Pp. 19–22.

Vdovin A.S. «...Dlya predstavleniya na vysochajshee vozzrenie...»: istoriya nakhodki chetyrekh serebryanykh sosudov [“...For Submission to Higher View...”: the Story of the Find the Four Silver Vessels]. Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]. SPb. : Dmitriy Bulanin, 2011. №17 (2010–2011). Pp. 340–346.

Dluzhnevskaya G.V., Lazarevskaya N.A. Arkheologicheskie pamyatniki Sibiri v issledovaniyakh Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii [Archaeological Sites of Siberia in the Studies by the Imperial Archaeological Commission]. Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoj arkhеologii i okhrany kul'turnogo naslediya [The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): to the 150th Anniversary of Foundation. At the Source of the National Archaeology and Preservation of the Cultural Heritage]. SPb. : Dmitriy Bulanin, 2009. Pp. 594–636.

Dremov V.A., Reis T.M. Tagarskaya periferiya v svete antropologicheskikh dannyh (kollektzii Tomskaya i Krasnoyarskaya) [The Tagar Periphery in the Light of Anthropological Data]. 100 let gunnskoj arkhеologii. Nomadizm proshloe, nastoyashchee v globalnom kontekste i istoricheskoi perspektive. Gunnskii fenomen [100 years of Xiongnu Archaeology. Nomadizm, Past, Present in a Global Context and Historical Perspective. The Xiongnu Phenomenon]. Ulan-Ude, 1996. Pp. 101–103.

Dehvlet M.A. Keramika pozdnetagarskikh kurganov Krasnoyarskogo rajona [Pottery of the Late-tagar Culture Burial Mounds in the Krasnoyarsk District]. Sovetskaya arkhеologiya [Soviet Archaeology]. 1964. №2. Pp. 205–210.

Dehvlet M.A. K istorii issledovaniya pamyatnikov tagarskoj kul'tury [On the History of the Study of the Sites of Tagar Culture]. Yuzhnaya Sibir' v skifo-sarmatskuyu ehpokhu [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian Epoch]. Kemerovo, 1976. Issue. VI. Pp. 16–33.

Kartsov V.G. Materialy k arkhеologii Krasnoyarskogo rayona. Opisanie kollektсий i materialov Muzeya Prieniseyskogo kraja [Materials of the Krasnoyarsk Region Archaeology. Description of the Collections and Materials of the Yenisei Territory Museum]. Krasnoyarsk. 1929. 55 p.

Kibort M.E. Poseshhenie s uchyonoj tsel'yu baronom de Baj goroda Krasnoyarska [Visit for Scientific Purposes by the Baron de Baye of the City of Krasnoyarsk]. Enisejskie gubernskie vedomosti [Yenisei Provincial Sheets]. 1900. July 29. 15 p.

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri [The Ancient History of South Siberia]. M. : Izd-vo AN USSR, 1951. 638 p.

Kitova L.Y. Istoriya sibirskoj arkhеologii (1920–1930-e gody): Izuchenie pamyatnikov epohi metalla [The History of Siberian Archaeology (1920–1930): Investigation of Metal Period Site]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 2007. 272 p.

Kuznetsov I.P. Drevnie mogily Minusinskogo okruga [Ancient Graves of the Minusinsk District]. Tomsk : Tipo-Litografiya V.V. Mikhajlova i P.I. Makushina, 1889. 47 p.

Makarov N.P., Vdovin A.S. Arkheologiya v Krasnoyarskom kraevedcheskom muzee. 125 let istorii [Archaeology in the Krasnoyarsk Local Lore Museum. 125 Years of History]. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2018. 207 p.

Maksimenkov G. A. Otchet ob arkhеologicheskoy razvedke v rajone g. Krasnoyarska letom 1956 g. [Report on Archaeological Exploration in the Area of Krasnoyarsk in the Summer of 1956]. NA IA RAN F-1. R-1. №1350. 52 p., 25 ill.

Maksimenkov G.A. Novye dannye po arkhеologii rayona Krasnoyarska [New Data on the Archaeology of the Area of Krasnoyarsk]. Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka [Questions of History of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : Izd-vo SO AN SSSR, 1961. Pp. 301–315.

Mandryka P.V. Severnaya tagarskaya periferiya: granitsy i vzaimootnosheniya [Northern Tagar Periphery: Borders and Relationships]. Narody Prienisejskoj Sibiri. Istoriya i sovremennost' [Peoples of the Yenisei Siberia. History and Modernity]. Krasnoyarsk : KGPU, 2001. Pp. 113–117.

Martynov A.I. Lesostepnaya tagarskaya kul'tura [Forest-steppe Tagar Culture]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 208 p.

Mergart G.K. Rezul'taty arkhеologicheskikh issledovaniy v Prienisejskom krae [Results of Archaeological Research in the Yenisei Region]. Izv. KORG. Krasnoyarsk, 1923. Vol. 3. Issue. I. Pp. 29–36.

Nashhekin N.V. Otchet o polevykh arkhеologicheskikh issledovaniyakh letom 1964 g. [Report on Field Archaeological Research in the Summer of 1964]. NA KKKM. In. 5. 96 p.

Nikolaev R.V. Otchet o polevoj arkheologicheskoy rabote, provedennoj letom 1956 g. Krasnoyarskim kraevym muzeem [Report on the Field Archaeological Work Carried out in the Summer 1956 by the Krasnoyarsk Regional Museum]. Arkhiv KKKM. In. 5. C. 68. № 672. 84 p.

Nikolaev R.V. Kurgany tagarskoj ehpokhi u Krasnoyarska [The Barrows of the Tagar Epoch Krasnoyarsk]. Materialy i issledovaniya po arkheologii, ehtnografii i istorii Krasnoyarskogo kraja [Materials and Research on Archaeology, Ethnography and History of the Krasnoyarsk Region]. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk gos. un-t, 1963. Pp. 93–106.

Nikolaev R.V. Krasnoyarskij variant tagarskoj kul'tury [Krasnoyarsk Version of Tagar Culture]. Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo: materialy Vsesoyuznoj arkheologicheskoy konferentsii [Scythian-Siberian Cultural and Historical Unity: Materials of the All-union Archaeological Conference]. Kemerovo, 1980. Pp. 239–247.

Otchet Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii za 1895 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1895]. SPb., 1897. Pp. 152–157.

Otchet Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii za 1896 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1896]. SPb, 1898. Pp. 103–104.

Otchet Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii za 1902 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1902]. SPb, 1904. Pp. 117–119.

Otchet Imperatorskoj Arkheologicheskoy Komissii za 1903 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1903]. SPb, 1906. Pp. 131–132.

Spitsyn A.A. Kollektivnye mogily v verkhov'yakh Eniseya i Chulyma [Collective Graves in the Upper Reaches of the Yenisei and Chulym]. Zap. IRAO. 1889. Vol. XI. Issue 1–2. Pp. 134–141.

Stepanov A.P. Enisejskaya guberniya [Yenisei Province]. SPb, 1835. Part 1. 276 p.; Part 2. 139 p.

Tajna sedogo kurgana [The Mystery of the Gray Mound]. Krasnoe znamya [Red Banner]. 1959. august 30. P. 4.

Teploukhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskih kul'tur Minusinskogo kraja [The Classification Experience of the Ancient Metal Cultures of the Minusinsk District]. Materialy po ehtnografii [Materials on the Ethnology]. L., 1929. Vol. 4. Issue 2. Pp. 41–62.

Urusov V.P. Raskopki kurganov Enisejskoj gubernii Krasnoyarskogo uезда [Excavations of Burial Mounds of the Yenisei Province of the Krasnoyarsky District]. M., 1902. 10 p.

Yadrintsev N.M. Otchet o poezdke v Vostochnuyu Sibir' v 1886 g. dlya obozreniya mestnykh muzeev i arkheologicheskikh rabot [Report on the Trip to Eastern Siberia in 1886 for the Review of Local Museums and Archaeological Work]. SPb. : Tip. IAN, 1887. 26 p.

D.A. Vinogradov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

THE HISTORY OF RESEARCH OF THE KRASNOYARSK FOREST-STEPPE BURIAL MOUNDS

The period of active research of burial mounds located in the territory of Krasnoyarsk forest-steppe zone falls on the end of the 19th – mid 20th centuries. During that time in the vicinity of Krasnoyarsk were recorded more than 150 barrows, at least 25 of which were excavated for scientific purposes. The results of the research allowed scientists to attribute these barrows to the Tagar culture – its northern border of the distribution. Later, for Krasnoyarsk forest-steppe, it was proposed to identify a local version of the Tagar culture with peculiar features inherent only in this region. At the beginning of the 20th century, Vladimir Kartsov made a map of the Krasnoyarsk region sites, which included famous burial mounds, and there was an attempt to calculate their number. Currently most of these barrows have been destroyed in the process of modern activity, and the extant ones continue to be subjected to anthropogenic impact. In this connection, despite the extinguished interest of researchers there is the need for barrows documenting, monitoring their status and conservation. This paper gives a brief description of the Krasnoyarsk forest-steppe barrows, provides a map of their distribution, some clarifications and new data about them.

Key words: Yenisei, Krasnoyarsk forest-steppe, early Iron Age, Tagar culture, burial mounds, barrows, kurgans.